

УДК 930(075.8)

К.Б. УМБРАШКО

**КРИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АКТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

д-р ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет,
e-mail: historian09@mail.ru

В статье анализируются различные варианты критического изучения актовых источников русскими историками первой половины XIX в. Главное внимание уделяется творчеству историков «второго ряда». Это А.З. Зиновьев, В. Виноградов, А.Ф. Федотов и др. Рассмотрены их научные построения относительно русских актовых источников. Выявлено оказанное на них влияние работ выдающегося немецкого историка А.-Л. Шлецера. Цель статьи – показать новые тенденции критического изучения актовых источников в отечественной науке первой половины XIX в.

Ключевые слова: А.-Л. Шлецер, историки «второго ряда», актывые источники, критицизм, новые тенденции, критическое изучение актов.

Необходимость глубокого и всестороннего изучения исторических источников в первой половине XIX в. понималась большинством профессиональных историков. Общепринятым стало мнение, согласно которому исторические источники до их критического, научного изучения (внешняя и внутренняя критика) нельзя полноценно использовать в исследовательской практике [1]. Но такой подход утвердился не сразу.

Существовали различные варианты критического изучения документальных источников. Главное внимание нами уделяется творчеству историков «второго ряда».

Одной из главных идей исторической науки рассматриваемого периода является доминирование документальных источников, в первую очередь актов, над повествовательными, в частности – над летописями, а тем более над источниками устными – фольклором [2]. По трудам историков можно увидеть, что основными документальными источниками, попадавшими в сферу

научных интересов исследователей, являлись актывые источники и, в частности, – первые дошедшие до нас акты X в. – договоры Руси с Византией, сохранившиеся в летописной традиции.

Основой особого внимания к актам были исторические построения выдающегося немецкого историка А.-Л. Шлецера. Его влияние на русскую историческую науку XIX в. трудно переоценить. Он отмечал, что Россия не имеет актового материала (*«свидетельств в теснейшем смысле, грамот»*), «по многим отношениям важнее и надежнее самых современников», который был бы «древнее ее современников». Причины этого самые многообразные: внешние нашествия, княжеские междоусобицы, пожары, «да сколько свидетельств истребилось оным и в мирное время, хотя впрочем и тщательно их сохраняли?» [3, с. 109–110].

Высокая оценка актового материала как исторического источника, данная А.-Л. Шлецером, постепенно была принята отечественной наукой и разделялась

большинством представителей научного сообщества. А.Ф. Бычков, говоря о необходимости использования актов, отмечал, что взгляд исследователей на летописи, как и вообще на древнейший период отечественной истории, должен значительно измениться с постепенным выявлением, накоплением, изучением и введением в научный оборот всего комплекса русских актовых источников [4, с. 47–48]. Следует учитывать, что при изучении актов в XX в., например духовных грамот Ивана Калиты, был вскрыт факт контаминации их текста во всех изданиях XVIII–XIX вв. [5, с. 69]. При реконструкции текстов ранних документов они дополнялись фрагментами более поздних источников (из духовных других московских князей; пропуск первой духовной восполнялся по тексту второй духовной Ивана I и т. п.). Учитывая то, что историки первой половины XIX в. пользовались в основном опубликованными источниками, это обстоятельство могло существенно повлиять на их построения.

Кроме того, историческая наука XX в. пришла к выводу, что «русские уже в XII в. производили запись частных актов». Свидетельством этого является вкладная Варлаама, сохранившаяся в подлиннике, и духовная Антония, дошедшая в поздних копиях. Как писал М.Н. Тихомиров, «Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а, вероятно, и ранее – в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время» [6, с. 244]. И хотя этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, разыскания историков XIX в. помогают современным исследователям определить свои позиции более объемно и последовательно.

Обратимся к проблеме изучения договоров Руси с Византией в отечественной исторической науке первой половины XIX в. Эти источники оценивались неоднозначно. А.З. Зиновьев, к примеру, считал их важными и достоверными. Договор Олега он назвал «слабым остатком древнейшего нашего законодательства». Поскольку любой народ без влияния соседей развивается медленно, «россияне, будучи предоставлены с глубокой древности собственному опыту, должныствовали весьма медленно, из состояния первобытной дикости взойти на степень образованности гражданской, которая открывается нам в договоре Олега», – отмечал А.З. Зиновьев. Россияне еще нельзя было назвать «народом образованным», но это уже не варвары, какими «нам представляют их пристрастные к своим нравам и обычаям греческие летописцы». Поскольку в договоре князя Игоря с Византией упоминалось о древнем «Законе Русском», постольку и этот договор можно считать в целом достоверным [7, с. 85–88].

Анализируя творчество И.-Ф.-Г. Эверса, А.Ф. Федотов сочувственно писал о высокой оценке, данной Эверсом договорам Руси и Византии. Та часть «Предварительных критических исследований», где Эверс рассматривал договоры Олега и Игоря с Византией, по мнению автора, «без сомнения, составляет лучшую часть всего сочинения». В переговорах, предшествовавших заключению того и другого трактата, Эверс увидел «замечательное единообразие», но, несмотря на это сходство, договоры «весьма между собою раз-

личны и по форме, и по содержанию». Из этой разницы Эверс сделал вывод, что договор Олега «есть *главный*, составленный в виде действительного договора между двумя самостоятельными народами; договор Игорев есть только *дополнение* к Олегову». Содержание трактатов также различно. В первом «общие статьи направлены ко взаимной пользе обоих народов, и следовательно здесь представляется такое согласие, какое народы обыкновенно делают тогда, когда в первый только раз вступают в дружественные связи между собою; напротив в последнем договоре содержатся только постановления, исключительно относящиеся к пользе греков, которые потому и вводятся здесь одни говорящими и требующими» [8, с. 68, 70, 71, 73–75]. И.Д. Беляев назвал договоры «одной из величайших драгоценностей, сохраненных для нас Нестором» [9, с. 21–22].

Неоднозначное мнение по этой проблематике высказал В. Виноградов [10]. Автор рассмотрел договоры X в. на общем историческом фоне, с учетом рассказа летописи о правлении первых русских князей, и провел количественный анализ летописного текста, в составе которого сохранились договоры с Византией. Он заметил, что первые два года правления Олега и период с 886 по 907 г. – «пустые», о деятельности князя ничего не сообщается. Особенно подробно в летописи описывается договор Руси с Византией 907 г. и его подтверждение в 912 г. Но, несмотря на это, история Олега «остается сухою и недостаточною», поскольку, исключив «посторонние» события, из 33-летнего правления Олега его собственной деятельности посвящено всего шесть лет (882–885, 907, 912 гг.). Хотя фрагменты договоров Олега с Византией составляют почти половину описания его деятельности в летописи, вопрос об их подлинности автор оставляет открытым. По его мнению, мы видим «Россию явившуюся вдруг на такой степени цивилизованного государства, какая уму критическому с первого взгляда покажется сущим анахронизмом относительно к состоянию Севера в 9^м и 10^м столетиях». «Цивилизованное государство» могло заключать договоры с соседями. Но было ли наше отечество настолько «цивилизованным» в то время, чтобы вести дипломатические переговоры с Византийской империей как равноправный партнер?

32-летнее правление князя Игоря, по описанию летописи, показалось Виноградову, на первый взгляд, достовернее и полнее, поскольку «по причине несчастного своего похода против греков, князь *сделался известным* как византийским, так западным и арабским историкам». Однако, при более внимательном знакомстве с текстом договоров для автора открывается, что они похожи на договоры князя Олега [10, с. 176, 195, 197]. Насчитывая четыре похода Олега и Игоря на Византию (два похода Олега 907 и 912 гг. и два похода Игоря 941 и 944 гг.), Виноградов считал, что договор с греками заключил лишь князь Игорь и всего один раз. Остальные договоры – это «фантазии на тему договоров» более поздних авторов.

Несомненно, на подобные взгляды оказал существенное влияние «Нестор» А.-Л. Шлецера. Выдающийся немецкий историк исходил из постулата, что основные события ранней русской истории, даже

не подтвержденные иностранными свидетельствами, естественны, поскольку «имеют все вид вероятности». Но они «кратки и неполны», поэтому авторы XVIII в. придумывали баснословные сюжеты для наполнения «исторических пустот».

А.-Л. Шлецер сомневался в существовании договоров Олега с Византией X в., поскольку поход руссов описан с «высокопарностью», «явным хвастовством», «сказками» и «противоречиями», причем о нем нет никакой информации в иностранных источниках – «об этом отменно достопамятном происшествии не говорится ни слова во всей прочей истории 10 века».

О договоре Руси и Византии 912 г. Шлецер с иронией писал, что он является «редкостью», поскольку не сохранилось такого рода европейских источников X в., синхронных ему. Поскольку протограф договора утрачен, а переписчики, «жившие едва ли не в 15 столетии», «списывали памятник этот с неслыханной нерадивостью», в тексте оказались «уродливые, часто смешные описки», которые делают его во многих местах темным и невразумительным – «совершенно неизяснимым» [11, с. 682, 685, 693, 694]. Достоверность самого факта похода Олега на Византию и заключения им договора для Шлецера остается загадкой. «Досадно, – писал он, – ежели б на оба сии вопроса должно было отвечать отрицательно. Сам я не смею еще выдать мнения; но, как честный испытатель истины, предлагаю другим честным друзьям истины на рассмотрение все доводы в пользу и против сих вопросов, между которыми я еще колеблюсь». «Ужас, наведенный руссами» на сильный Царьград, «трепет, робость, подлость» византийского правительства, «глупое» плавание лодок посуху – «ощутительно и даже до отвращения увеличено», но «не опровергает еще главного дела», поскольку «*происшествие и увеличение* происшествия суть две очень различные вещи». Хотя хронология событий явно не верна, но «ошибка могла бы быть только в данном времени, а происшествие случилось действительно, только в другое время; следственно, все это могло быть историческою истиной!»

С другой стороны, для Шлецера остается непонятным, почему достаточно подробные византийские источники не сообщают «ни словечка о важном русском походе 907 г.» и «ни словечка о торжественном договоре 912 г.». Разные списки летописей по-разному описывают договор Олега, в некоторых вообще нет сообщений о каком бы то ни было договоре, заключенном князем Олегом. Содержание договора также сомнительно, поскольку «можно начесть целую дюжину таких мест, которых никак не могли написать приведенные в них лица». Но, с другой стороны, «все до сих пор известные списки наполнены грубейшими описками: кто знает, что тут описка, что выпущено, вставлено, переставлено?» [11, с. 751, 752, 754, 756, 758, 765].

Совершенно иное отношение вызвало у Шлецера описание походов на Византию князя Игоря. Это связано в первую очередь с тем, что об этих событиях сохранились достаточно внятные сообщения в византийских источниках. «Отменно вероятно», что руссы «выписали это из византийцев, переводя часто слово в слово, а потому и не имели собственных своих извест-

тий о сем походе» [12, с. 46]. Но что касается сведений о договорах князя Игоря с Византией, то ситуация схожа с договорами Олега. Посольства и русско-византийский договор 945 г. неизвестны византийским авторам. Кроме того, «сей второй договор Игорев, очень походит видом и содержанием на первый Олегов, заключенный за 33 года до сего». Многие статьи одинаковы «слово в слово», поэтому сомнения Шлецера в подлинности договоров «умножились». Имена членов посольства «звучком своим» вновь явно созвучны скандинавским, а не славянским языкам; многочисленность посллов заставляет вспомнить античные источники, где встречаются также многочисленные посольства; слишком много непонятных чинов, имен и т. п. [12, с. 88, 90, 98, 99].

Подводя итог своим раздумьям о войнах и договорах Игоря с Византией, А.-Л. Шлецер делает вывод, что первый неудачный поход Игоря 941 г. «есть быль». Но второй поход и договор 944 г. – сомнительны. Вместе с тем он находит, что многие статьи этого договора «совершенно приличны тогдашнему положению руссов и греков и взаимным их отношениям» [12, с. 207–209].

Следует отметить, что в основе источниковедческой работы русских историков первой половины XIX в., как и у А.-Л. Шлецера, лежали рационалистические принципы критики источника с позиции здравого смысла. Но отечественные историки не ограничивались простым перечислением источников, а указывали на необходимость разных исследовательских подходов к разным видам письменных источников и особенно к актам. Конечно, «писатели русской истории» поначалу не давали определения распространенного в исторической литературе 1830-х гг. понятия «источник», которое чаще всего отождествлялось с понятием «памятник». Предлагаемая ими классификация источников была простой. Но они широко пользовались этим понятием.

Прослеживается постановка проблемы всестороннего анализа источника. Историки целенаправленно доказывали, что наряду с внешней критикой требуется анализ внутреннего содержания источника, что поможет воссоздать объективную картину исторического прошлого. До извлечения фактов необходимо проводить внешнюю критику источников, критически сравнивать их, реконструировать протограф. При привлечении разных видов письменных источников приоритет исследователи должны отдавать актам. Они являются основой для построения исторических описаний, поскольку аутентичны эпохе.

Но вопросы внутренней критики актов источников вызвали серьезные трудности. Образ «духа времени», который складывался в сознании историков как следствие сравнительно-исторических штудий, критической интерпретации фактов не соответствовал содержанию актов.

Позднее достоверность исторических событий ставилась историками в прямую зависимость от подлинности используемых актов источников. Поэтому историки защищали принцип критического отношения к актам. Речь шла о степени искажения исторической действительности, следовательно, о приемах внутрен-

ней критики источника, когда на первый план выходил не текстологический анализ, а трактовка исторических событий, отразившихся в актовом источнике.

При изолированном исследовании отдельного актового источника препятствием для историков стало то обстоятельство, что большинство древнерусских памятников сохранилось не в автографах, а в поздней рукописной традиции. Эта традиция отражает не порчу текста невежественными переписчиками, как считал Шлецер, а дальнейшее сложное историческое развитие текста, что необходимо изучать специально. Изолированное рассмотрение актовых источников с устойчивым формуляром часто приводило к ошибочным выводам, когда архаические черты формуляра принимались за действующие нормы.

Методика исследования актовых источников при помощи изучения «движения формуляра» была разработана лишь А.С. Лаппо-Данилевским, который предложил при помощи «графически-статистических таблиц» изучить типичный формуляр отдельных разновидностей актов, «как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов» [13, с. 146], и отделял форму документа от его содержания. С.М. Каштанов подчеркивал, что формуляр акта – «это не непосредственное отражение действительности, не рассказ о ней, а сложное “шифрованное” сообщение, нуждающееся в разносторонней расшифровке» [14, с. 485; 15].

Главной заслугой историков первой половины XIX в., открывших новую страницу в отечественном источниковедении, был переход от количества включаемых в научный оборот источников, к углубленному внутреннему изучению актов. Главной задачей при этом считалось отделение в них объективных

сообщений от фольклорных сюжетов. Другая задача – сопоставление их содержания с иностранными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989.
2. *Умбрашко К.Б.* Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // *Философия образования.* 2006. Спец. вып. № 2.
3. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1809. Ч. 1.
4. *Бычков А.Ф.* Исторические заметки // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* М., 1846. Кн. IV.
5. *Кучкин В.А.* Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // *Отечественная история.* 1992. № 6.
6. *Тихомиров М.Н.* О частных актах в древней Руси // *Исторические записки.* М., 1945. Т. 17.
7. *Зиновьев А.З.* О Русской Правде // *Вестник Европы.* 1828. № 14.
8. *Федотов А.Ф.* О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839.
9. *Беляев И.Д.* О Несторовой летописи. М., 1847.
10. *Виноградов В.* О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей истории // *Вестник Европы.* 1830. № 15–16.
11. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1816. Ч. 2.
12. *Шлецер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-словенском языке. СПб., 1819. Ч. 3.
13. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920.
14. *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
15. *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника (акты X–XVI вв.). М., 1996.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.